

Герман Бернштейн (1876—1935) — американский журналист, писатель и переводчик, составитель известного в свое время сборника секретной переписки (1918) между немецким императором Вильгельмом II и русским царем Николаем II. В 1908, 1909, 1911, 1912 гг. Г. Бернштейн был специальным корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» в Европе. В 1908 г. находился в России, встречался с Л. Толстым и Л. Андреевым. В мае 1911 г. американский журналист посетил Бернарда Шоу и оставил воспоминания об этой встрече.

Воспоминания Германа Бернштейна о Бернарде Шоу переводятся на русский язык впервые.

Из всех английских писателей более всего я желал встретиться с Бернардом Шоу, человеком, которого либо ненавидят, либо восхищаются; которого считают либо большим гением, опередившим свое время, либо литературным шутком, ищущим известности; либо великим реформатором, использующим необычные средства выражения для того, чтобы привлечь внимание к тому, что он должен сказать, либо лицемерным насмешником, паяцем, циником и разрушителем.

Я встретил писателя в его доме в районе Адельфи Террас, в Лондоне. Поднявшись по лестнице, я увидел над маленькой дверью на втором этаже табличку с надписью «Г-жа Бернард Шоу»...

Бернард Шоу весьма высокий, хорошо сложенный человек, с добродушной наружностью и седой. Тем не менее он молодой, энергичен, бодр, почти все время улыбается. На нем был скромный коричневый костюм последнего покроя, что придавало ему весьма элегантный вид.

Он начал расспрашивать меня о России. Затем заговорил о Толстом и, наконец, дал волю своим чувствам, когда речь зашла об Америке. Кажется, он до сих пор переживает, что его пьеса «Профессия миссис Уоррен» была запрещена в Нью-Йорке несколько лет назад.

Шоу считают самой пикантной личностью нашего времени, человеком, который играет роль Пэка*, как в драме, так и в жизни. Однако мне кажется, что если надо было бы подыскать в современной литературе характер, который напоминал внутренний облик Бернарда Шоу, то труднее было бы найти что-либо более близкое, чем Анастасия** Андреева...

Подобно Анастасии, Шоу кажется сотканым из противоречий, и все же остро восприимчивым, и блестящим, и сильным, и добрым, и жестоким. Всегда ищущий и дерзкий, он смотрит на зрелище жизни: на стремления и успехи, на несправедливости и жертвы, и когда смотрит, то смеется смехом Мефистофеля.

Во время нашей беседы я спросил его мнение по поводу трактата Толстого о Шекспире, в котором Толстой пытался доказать, что Шекспир не только не был великим драматургом, но даже и посредственным писателем.

«Это была неумная книжонка, — ответил Шоу. — Случайно Толстой взял одну из лучших пьес Шекспира и с большим усердием пытался доказать, что она хуже, чем та, из которой Шекспир заимствовал тему. На самом же деле «Король Лир» превосходная пьеса, и Толстой был совершенно неправ при разборе Шекспира».

«Толстой был удивительный гений, — продолжал он, откинувшись на кушетку и улыбаясь. — Но он был ничтожно лишен чувства юмора. Именно поэтому он не мог понять меня. Он был бесконечно серьезен и в то же время почти по-детски наивен в философии, которую он развивал, и в учении, которое он проповедовал...»

Но художник он был замечательный. Одним штрихом мог показать нелепость той или иной вещи. Он не давал пояснений. Он указывал лишь мимоходом, а эффект был поразительный.

Я никогда не забуду его рассказ в «Воскресении» о том, как один член суда делает гимнастику в своем кабинете. Без какого-либо пояснения он (Толстой — В. А.) сделал все бесконечно смешным. Или в повести «Смерть Ивана Ильича», где он описывает покрытый голубым бархатом гроб, — писатель совсем не дает комментариев, но, прочитав это место, чувствуешь, как нелепы похоронные церемонии».

Живой Бернард Шоу приковывает к себе сейчас внимание в связи с биографией***, которая появилась несколько дней назад. Относительно нее г-н Шоу

сказал с очень серьезным видом: «Это очень хорошая книга. Читая ее, можно действительно получить прекрасное представление обо мне и о моих работах; но в ней нет ни одного точного факта».

Д-р Хендерсон напечатал в этой книге фотографии домов, в которых я никогда не жил, и если он упоминает в связи с какой-нибудь моей работой какую-либо газету, то неизбежно не ту. Он часто подводит меня, цитируя слова, которые я никогда не говорил... Однако в целом книга очень хорошая, правда, в ней есть то, что я бы назвал неточностями высшей математики. Как вы знаете, д-р Хендерсон — математик».

Когда наш разговор коснулся Америки, я спросил г-на Шоу, почему он ни разу не побывал в стране, где несколько его пьес прошли с таким успехом.

«Почему я должен ехать в Америку? — спросил г-н Шоу. — Там нет ничего, что могло бы заинтересовать меня. Когда Америка станет настоящей американской нацией, когда тип американца станет смешанным, когда кожа американца станет красной, а его самознание немного упадет, тогда в Америку будет интересно съездить».

Что такое американцы в наше время? Ужасное, отвратительное сборище людей...

Возьмите историю с Горьким. Даже если бы Горький приехал из страны, где разводы разрешаются с легкостью, американцы все равно бы грубо обошлись с

ВСТРЕЧА С БЕРНАРДОМ ШОУ

Герман БЕРНШТЕЙН

ним. Но Горький приехал из России, страны варварских законов. Поэтому я считаю, что бесчеловечное обращение Америки с Горьким поставило ее за границы цивилизованного мира, если она вообще когда-либо в них находилась. Это необходимо сказать Америке. Может быть, это ей поможет»...

...Г-н Шоу говорил с видимой серьезностью. Но в глазах его светилась обычная улыбка. Я спросил его, что он думает о движении за мир, которое повсюду привлекает так много внимания, особенно в Англии и в Соединенных Штатах.

Он рассмеялся.

«Вы это воспринимаете всерьез? Мне пятьдесят пять лет, и я уже несколько раз переживал эти «мирные» волны. Помню одно собрание в пользу мира. Это было несколько лет назад. Кажется, сам сэр Артур Конан-Дойл председательствовал на том собрании. Я тогда был больным и пришел на собрание на костылях».

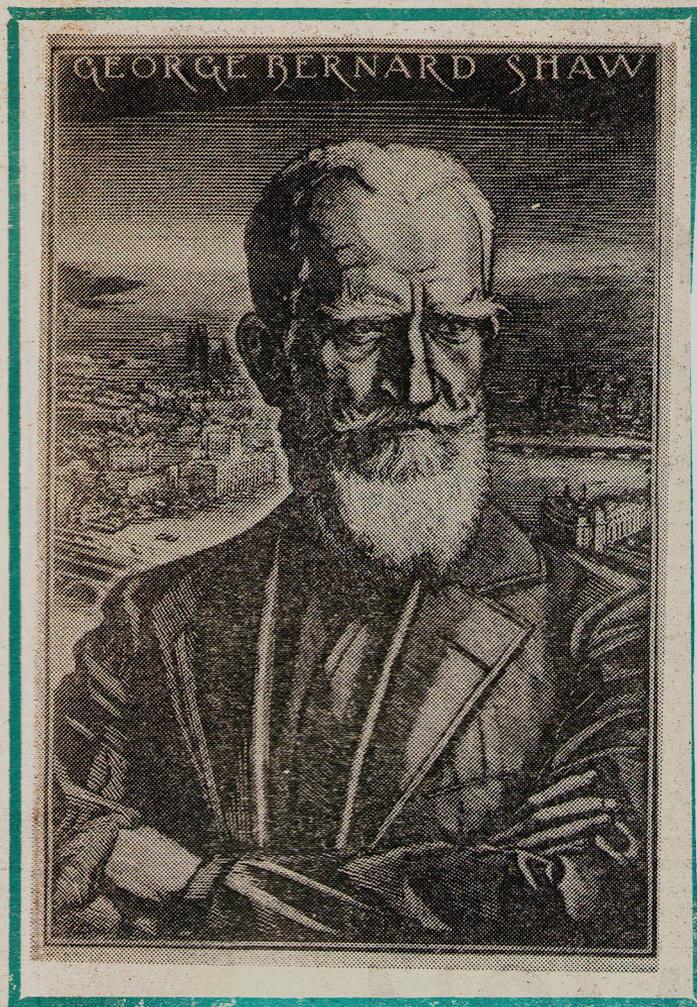
Они там говорили о мире. Все было настроено миролюбиво. Люди посылали друг другу рождественские открытки. Хотя я был на костылях, мне кажется, я сорвал собрание. В то время мы строили торпедные катера, и всякий, кто осмелился бы возражать против строительства торпедных катеров, был бы растерзан толпой».

Война между народами когда-нибудь будет окончена, так же как было окончено с дуэлянтами. Все страны должны будут объединиться, и ту, которая произведет первый выстрел, надо будет сурово наказать. А в настоящее время весь этот разговор — вздор. Мы говорим о нашем господстве на море. Это смешно. Мы можем также говорить о нашем господстве на солнце и на луне».

Г-н Шоу удобно откинулся на кушетку и после небольшой паузы с улыбкой продолжал:

«Не надо думать, что мы не любим американцев, приезжающих сюда. Мы их очень любим, то есть владельцы наших гостиниц и магазинов их любят. Американцы приезжают сюда и свободно здесь тратят деньги, которые сделали для них несчастные люди в Соединенных Штатах».

*** Речь идет о книге А. Хендерсона «Джордж Бернард Шоу. Его жизнь и сочинения», вышедшей в Лондоне в 1911 году.

Мы живем на вашем заработке, на поте вашего народа, маленьких детей из Южной Каролины и других штатов. Все это весьма устраивает наших владельцев гостиниц и магазинов. А также владельцев во Франции и Германии. Мы очень любим американцев».

В таком духе г-н Шоу продолжал говорить некоторое время. Затем мы коснулись драмы в Англии.

«Драма в Англии находится в безнадежном состоянии, — сказал г-н Шоу. Он помолчал немного, затем продолжал: — Я бы даже сказал, драма в Англии именно сейчас находится в безнадежном состоянии. Видите ли, я родился в крайне неблагоприятное для себя время. Я приехал в Англию в 1876 году, когда мне исполнилось двадцать лет. Обязательное обучение было введено в Англии в 1870 году. Новообразованный человек хотел и покупал только ту литературу, которую мы привыкли покупать в дешевых изданиях — sentimentalные романы о героях-преступниках...»

Вот почему «Остров сокровищ» Стівенсона имел успех. Писатель преподнес этому новообразованному человеку такой рассказ который тот уже любил по дешевым приключенческим романам, но, конечно, он был прекрасно написан. Стівенсону пришлось угождать массам. В сегодняшней Англии есть несколько поистине прекрасных писателей, которые вынуждены писать sentimentalную чепуху, чтобы не умереть от голода».

То же самое можно сказать и о современной драме. Старые sentimentalные романы переделываются в драмы, и эти популярные переделки выживают драму высшего порядка. Единственное отличие сегодняшней драмы от вчерашней в том, что герои-преступники стали немного лучше...»

«А что вы скажете о своих собственных пьесах, г-н Шоу? Вы довольны тем приемом, который они встречают?» — спросил я.

«Германия, Швеция, Австрия — эти страны поддерживают меня. Франция, самая отсталая страна, и Париж, который на сто лет отстает от других столиц Европы, вероятно, в скором времени увидит одну из моих пьес, поставленную там».

Одна из моих пьес была поставлена в Вене. Было объявлено четыре представления, но на первом же пьеса потерпела полное фиаско, так что мой переводчик и импресарио были в отчаянии».

Они хотели снять ее после первого же представления. Но все-таки решили дать все четыре спектакля, как было объявлено. И пьеса вдруг получила всеобщее признание. Некоторые мои пьесы ставят также и в России, особенно «Профессию миссис Уоррен».

Когда «Профессия миссис Уоррен» была издана отдельной книгой, я боялся,

что некоторые глупцы могут купить книгу и, не раскрыв ее, подарить детям в виде рождественского подарка. Люди имеют обыкновение поступать так. Поэтому я назвал этот том «неприятные пьесы», чтобы взрослые не давали их детям. В следующем издании я особо отметил ее, поставив на титульном листе слова, которые, я уверен, заставят осторожных матерей спрятать эту книгу от детей».

Представьте мое удивление, когда однажды знакомая дама сказала мне: «Г-н Шоу, моим детям очень нравится ваша книга». «Какая книга?» — спросил я. «Профессия миссис Уоррен», — ответила она.

Я спросил ее, почему книга так нравится ее детям. Она сказала, что им нравится сюжет, любовные сцены, и они были просто в восторге, когда оказалось, что влюбленные — это брат и сестра. Когда я спросил, что ее дети думают о миссис Уоррен, она сказала мне, что они считают ее смешной и забавной особой, державшей магазин жареной рыбы. Видите, они увидели одну невинность в пьесе...»

Мы совершаем страшное преступление против наших детей, воспитывая их так, как мы их воспитываем. Существующая система обучения отвратительна».

«Как же, по вашему мнению, следует воспитывать детей?» — спросил я...

«Перед нами стоит вопрос, как воспитывать молодежь, детей. В настоящее время родители считают их помехой, они хотят быть свободными, поэтому и посылают своих детей в школу. Там дети встречают надзирателей, называемых учителями, и отвратительные книги, называемые учебниками. Детей отдают на попечение злым и черствым дядям и тетям, ненавидящим их, так как они не в состоянии справиться даже со своими собственными делами...»

Школы должны существовать, но детей не следует заставлять посещать их. И их посещение не должно быть обязательным. Дети должны ходить в школу, как мы ходим в театр. Если ребенок хочет идти в школу, пусть идет, платит за вход и остается там столько, сколько захочет. Если учитель не вежлив, ребенок просто встанет и уйдет».

Допустим, что людей, которые приходят смотреть мои пьесы, обязали прийти и высидеть все представление; если бы их угрозами и силой заставляли прийти, думаете, им бы понравилась пьеса? То же относится к детям и к современной системе образования».

...Было уже четыре часа пополудни, и г-н Шоу должен был идти в Литтл Тизтер, чтобы руководить репетицией пьесы, авторство которой не указано ни в программах, ни в афишах. Она называется «Первая пьеса Фанни». Это пьеса в пьесе с эпилогом, в котором люди высказывают свое мнение о пьесе и ее авторе. К тому времени, когда она будет опубликована, станет, вероятно, известно, что «Первая пьеса Фанни» есть последняя пьеса Шоу».

МАИ, 1911 г.
Перевод, публикация и примечания
В. А. Л е к с а н д р о в а.